Наталия Солженицына
Москва

КАРТОТЕКА «КРАСНОГО КОЛЕСА»: ЗАМЫСЕЛ И ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ

Жизнь и творчество Александра Солженицына: на пути к «Красному Колесу»: сборник статей / сост. Л.И. Сараскина. М. : Русский путь, 2013. С. 342–351

Может быть, уместно вначале упомянуть, что сохранившийся архив «Красного Колеса», по его огромности и почти безущербной полноте, можно считать архивом в Архиве[1]. Он позволяет проследить работу автора, начиная с замысла, с накопления исходных материалов, с первых набросков и — через все последовательные редакции — кончая текстом, сдаваемым в печать.

Но более того: некоторые составные части этого архива не умещаются даже внутри гигантского обода «Колеса», выпирают из него и по оси времени, и по географической широте, и объёмом собранной коллекции подлинных эпизодов, и неиспользованными сюжетными зарисовками. Именно такова Картотека «Красного Колеса».

Солженицын очень рано осознал необходимость и неизбежность создания картотеки как наилучшего способа организации разнородных сведений о революции, это стало ясно ему почти одновременно с началом систематической работы над будущим романом.

Осенью 1937 года в областной читальне Карла Маркса на тихой Казанской улице Ростова студент 2-го курса физмата уже сделал обзор Мировой войны, уже выбрал для изображения Самсоновскую катастрофу и делает выписки из обстоятельных военных книг-разборов о ней. А сами Ростов и Новочеркасск ещё упорно помнят себя центрами Гражданской войны, и здесь ещё можно уловить множество бесценных для историка штрихов. И, уже определив двух главных героев на всю эпопею вперёд: прапорщика-революционера Ольховского (будущий Ленартович) и полковника генштаба Северцева (будущий Воротынцев), — юный автор, по крупицам собирающий сведения об эмиграции, пишет сцену их встречи в 30-е годы в Париже. Размах поисков определился сразу и уже никогда не сужался.

Однако жизнь вносит коррективы. Война, фронт наполняют военные дневники лейтенанта Солженицына фронтовыми случаями, судьбами, рассказами однополчан, ежедневными сценками. Но и тут, в 1944 году в Польше, попадают ему в руки брошюры партийных оппозиций 20-х годов, запрещённые в СССР; это чтение воспламеняет его, рождает фейерверк замыслов, он записывает их по направлениям, по годам, по лицам — уже рождение Картотеки?

За три месяца до конца войны, в феврале 1945, — арест. «Весь сосредоточенный интерес жизни в лагере был у меня — расспрашивать людей, что-нибудь знающих о революции, — рассказывал Солженицын. — И так я всё собирал, не имея никакой возможности записывать. <...> В памяти — без всякой записи <...> так много укладывается, такой обильный материал»[2].

Но и выйдя из лагеря в 1953 году в казахстанскую ссылку, не мог он разгрузить память: будучи поднадзорным, в любой день опасаясь обыска, — боялся записывать в полноте то, что запомнил из лагерных расспросов о революции, чтобы не добавлять крамольных объёмов к тому лагерному, что расплавленной лавой лилось на бумагу в первую очередь.

Сам Солженицын считал **началом** составления Картотеки **1956 год.** Как только освободился из ссылки, он завёл пакеты «Ключи революции» (ключевые объяснения и мысли). — В 1958 весь июль прошагал по Ленинграду, собирая впечатления и данные для будущего романа, «имея на руках объяснительные карточки на все улицы, на все дома, объяснения — что в каком доме было, что на какой улице случилось и когда»[3]. Карточки заранее много месяцев составлял сам по старым картам и путеводителям, теперь же вечерами сортировал их, а с утра уходил на маршруты. — В конце 50-х – начале 60-х Солженицын весь уже был повёрнут к своей заветной работе, но невозможно было начинать её без библиотек (ведь тему эту нигде не назовёшь, не откроешь), без опроса свидетелей, практически в подполье. — Всё изменилось (хотя и ненадолго) после публикации «Ивана Денисовича» в ноябре 1962. Летом 1963 Солженицын снова едет в Ленинград, но теперь, пишет он, «мне не только мерить журавлиными ногами по улицам, теперь у меня от союза писателей — спец-отношение в спецхран Публичной библиотеки — теперь мне открыто здесь всё заклято-запретное от самого моего детства, всё тайное, недоступное, желанное... — вот оно, меня ждёт! Какая вершина жизни!»[4]. — Осенью 1963 по пути из Ростова в Георгиевск навещает бывший дом и имение деда Щербака, исписывает деталями множество листочков; этими впечатлениями потом начнётся «Август Четырнадцатого». — В конце января 1964 опять работает в спецхране ленинградской Публички. И в начале 1965 — три недели работает там же. — А в Москве — друзья-помощники берут для него книги из Ленинки, потом перепечатывают отмеченные места (ксерокс ведь был под запретом до самой перестройки).

Объём заготовок нарастает стремительно — и в 1967 Солженицын разрабатывает план Картотеки, вернее — разветвлённую систему связанных друг с другом картотек, что отныне позволит функционально группировать хаотически приходящий материал. Он предполагает размещать Картотеку в самодельных конвертах из плотной бумаги разного цвета, разного размера (цвет и размер тоже будут элементами рубрикации). К уже упомянутым пакетам «Ключи революции» (среди которых — «Истоки революции», «Февральская», «1917 — весь», «Октябрьская», «Гражданская война», «Первые годы Сов.

власти») добавляется картотека частных линий («Печенеги»[5], «Тамбовская деревня», «Семья в Ростове (гимназия Андреевой)», «Семья в Петрограде», «Персонажи второго плана или только прозреваемые», «Фрагменты и заблудившиеся сюжетики», «Фрагменты психологические»). К обеим картотекам приписка: «Могут рассасываться по Частям (в ЧЁРНУЮ и ГОЛУБУЮ [картотеки]) и по персонажам (в СЕРУЮ)». «Частями» автор называл вначале будущие «Узлы»; **ЧЁРНАЯ** картотека — исторические материалы и ключи, разнесённые по Частям; **ГОЛУБАЯ** — замыслы по Частям, ещё между ними — промежуточная **ЗЕЛЁНАЯ; СЕРАЯ** — персонажи не исторические, хотя в основном — с реальными прототипами (Ксения, Ольда, о. Северьян, Арсений, Ярослав Харитонов, Варсонофьев, Вильма — два десятка); **ЧЁРНАЯ** малая — персонажи исторические (этих конвертов больше, чем серых; среди них Пальчинский, Нечволодов, Тухачевский, Керенский, Колчак, Шляпников, Бухарин, Троцкий, не говоря уже о Ленине и Сталине, — и этой картотеке предстоит ещё расти и расти).

Чёрные, голубые и зелёные конверты заготовлены были для XXII Частей:

XX — Весна 1922
XXI — НЭП
XXII — После 1929, Великий перелом.

Позже две последние Части были отнесены к ЭПИЛОГАМ.

План составлялся на ощупь, Солженицын записывает в «Дневнике»: «Конечно, я не уверен, что с Частями (= Узловыми Точками Истории) придумал безупречно. Но пока они очень мне помогают: вносят определённость в группировку материала, иначе б не знаю, куда б я с ним и делся. Это — центры кристаллизации. А там посмотрим»[6].

Самой обширной стала **ПЁСТРАЯ** картотека, по темам и проблемам:

Государственная Россия до 1917
Старая русская армия
1-я Гренадер. арт. бригада
Фронт 1914–18 и разлагающаяся армия 17–18 г.
Развитие главных вопросов 17 г.
Церковь в революцию и после
Левые эсеры (с 1917)
Социал-демократы (меньшевики)
Заграница о нас и мы о загранице в 1917
Москва (1917, 18, 19, 20)
Провинция
Ростов и Новочеркасск
Деревня вообще
Петроград (1917, 18, 19, 20)

Красная армия в Грж В
Белая армия в Грж В
Строение советской государственности
Военный коммунизм
НЭП
Эмиграция
и др.

Солженицын нащупывает путь от материалов своих картотек — к тексту.

«Вот, оказывается, как пишется такой роман. Это не повесть, даже не “шарашка”, где можно было прямо начинать с 1-й главы. Здесь сами собой вот какие получились этапы работы.

1) Полуслепой поиск материалов (вернее — “неводное” собирание их подряд), группировка по проблемам (“пёстрые конверты” и по Узлам Истории = Частям Романа (чёрные конверты).

2) Сосредоточение взгляда на Узле или на возможной сюжетной линии — и так

возгонка сюжета (голубые конверты)
выявление персонажей (серые конверты).

Как из серого тумана проступают цветной сюжет и цветные персонажи.

3) <...> Более законченная *формировка* сюжета — до поглавных планов (коричневые конверты, коричневые обложки).

И м.б., год целый буду только это и делать, пока дойду до

4) Само писание, 1-я редакция»[7].

В план Картотеки автор изначально ввёл рубрику

ОТКРЫТЫЕ ГЛАЗА, с разделами —
ВЭ (воздух эпохи)
ФБ (факты быта)
ЖИВЫЕ ЛИЦА
ЭСКИЗЫ ПОРТРЕТОВ
Дети
Девушки и оч. молодые женщины
Парни, молодые мужчины
Женщины 25–50
Мужчины 25–60
Старики
Жесты, мимика
ПЕЙЗАЖИ
ФЛОРА И ФАУНА
Птицы (и насекомые)
Деревья

Растения
Звери (и домаш. животные)
Рыбы

В крошечные конвертики (7×4, 8×6 см) писатель вкладывал свои наблюдения, записанные мелким почерком на обрезках бумаги или на листочках из малых блокнотов. Вот запись из конверта «Старики»:

«Дед (в Нерльской столовой) — такой светлый проникновенный голос и взгляд — вдруг чувствуешь неповторимую важность даже этого, о пустяках, единственного разговора. Прощаясь, глубоко поклонился».

Из конверта «Птицы»:

«Труп ястреба (?) лежал распростёртый, с застывшими твёрдыми крыльями... Он маленький сам, но в несколько раз больше его крылья, очень хищен профиль и сильны когти. Покусан — и оттого умер. Большая дворовая собака внимательно смотрела, насторожив голову, как я рассматриваю ястреба».

К той же рубрике «Открытые глаза» Солженицын отнёс

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ КАРТЫ
ФОТОГРАФИИ
ДОКУМЕНТЫ, ВЕЩИ

Таков был план Картотеки, скроенной частично «на вырост», но бóльшая часть её конвертов немедленно наполнилась выписками и заготовками, до тех пор не рассортированными. Картотека зажила полной жизнью, конверты разбухали, порождали «дочерние» темы, потом, по мере написания Узлов, худели, их содержимое отправлялось в пухлые конверты под названием «Сброс» (всегда с указанием Узла), но лишь немногие исчерпались полностью.

Из перечисленных разделов не сохранились, а может быть, и не начинались никогда, — во всяком случае, я не помню и не нахожу таких конвертов, — «Пейзажи» и «Фотографии». Последние не составляли специальный раздел, а лежали в соответствующих конвертах персонажей, мест, событий и были исключительно важны для писателя. В марте 1969 он записывает: «И вот — тот период работы, когда главным для меня стала — *пища глаз,* фотографии и рисунки лиц, быта и положений, но особенно — лиц. <...> Лежит фотография (Самсонова или Тухачевского) — и я постепенно разворачиваю его и заставляю двигаться. А не лежит — трудно. А чтобы видеть т о л п ы (мужиков, солдат) — нужны и многие десятки фотографий. А где их взять? — мужиков и солдат как правило не снимали, не изображали, только офицеров»[8].

И ещё, через год: «Есть что-то мистическое в общении с фотографиями юности давно умерших людей (особенно женщин), которых я воскрешаю к

жизни. Эти гимназисточки в 1889–92 годах, даря друг другу фотографии, — могли ли предположить, что через 70 лет они попадут на мой стол — чтобы я вглядывался в их лица, давая им новые имена, новые судьбы, ещё одну жизнь сверх прожитой, и может не худшую. Чувствую нежность к таким избранницам»[9].

Разделы «Документы» и «Карты» фактически перешли из Картотеки в Библиотеку «Красного Колеса». Раздел «Вещи» так и не возник, разве что однажды прислан был кем-то офицерский погон.

Зато возникли новые, не записанные в исходный план темы, конверты и папки: «Николай II и царица Александра Фёдоровна», премьер «Столыпин», «Кадеты» и вообще весь партийный спектр предреволюционной России (монархисты, октябристы, трудовики, анархисты и т.д.), «Земские деятели», «Кооператоры», «Толстовцы», «Инженеры», «Студенчество», «Интеллигенция», «Временное правительство», «Исполком Совета рабочих депутатов», «Петроградский гарнизон», «Балтийский флот», «Ставка», «Деревня от Февраля до Октября» и многие, многие другие.

Не могли не возникнуть в Картотеке и специальные конверты для выписок по языку воззваний, митингов, военных терминов и команд, уличных реплик, способов выражаться, наконец — конверт «Имена и Фамилии к Р-17», куда заносил автор сотни имён и фамилий, встреченных в самых разных источниках, чтобы затем выбрать из них те, которыми он назовёт своих многочисленных фронтовых, деревенских, уличных героев.

Занялся Солженицын и поисками пословиц специально для «Красного Колеса»: «Отдельно, между глав, крупным шрифтом приводимые *пословицы* призваны выразить народные суждения о только что услышанном (прочтённом) в главе. При удаче — они... открывают восприятию добавочное измерение»[10].

Сплошная работа над «Красным Колесом» началась в марте 1969, летом 1971 в Париже вышел «Август Четырнадцатого», посыпались отклики. Солженицын записывает: «Удивляются... моей “плодовитости”, и половины её ещё не зная. А очень много в моей скорости объясняется математической организацией труда — системой разноса, разметки, группировки приходящих фрагментов. Этому всему я научился, кстати, на “Архипелаге”, — и никак не думал, что почти в том же виде понадобится и в большом романе. Да, в этом методе есть универсальность: как принимать материал, приходящий без воли автора и состоящий не в воле его. А исторический материал — весь такой»[11].

* * *

Но вот — изгнание. Когда в феврале 1974 года Александра Исаевича выслали, а мы ещё шесть недель оставались в Москве, самой жгучей заботой именно и было: спасти и переправить всю накопленную Картотеку, ибо она невосполнима (книги-то можно было надеяться достать заново). «Предстояло теперь

самое главное... — позже писал А.И., — весь мой огромный архив, 12-летние заготовки по многим Узлам вперёд, — перенести в Швейцарию, по воздуху, по земле или по воде, не утеряв ни бумажки, ни упаковочного привычного конверта... — и по дороге ни единого важного листика (а не важных мало у меня) не пронести через железный обруч погранохраны, не дать им на таможне сфотографировать... уж не говоря — не дать отобрать...»[12]

Это счастливо удалось благодаря помощи отважных друзей, скандинавов и немцев. — Спустя два месяца в Цюрихе передали Солженицыну первую партию — «два чемодана и сумку, всего — чуть не на пуд. <...> Боже мой! — первая, но главная часть моего архива "Красного Колеса" — рукопись неоконченного... "Октября Шестнадцатого", главных конвертов заготовок штук сорок и тетрадь "Дневника Р-17". <...> Ощущение Чуда: архив спасён из пасти Дракона, невидимо перепорхнул из-под его лапищ, через пол-Европы, — и вот теперь на наш стол, на наш диван! Ликование — не могу сопоставить равного: как выздоровление от рака!»[13]. «Без этого был бы я тут, в изгнании, с вырванным боком, со стонущею душой, инвалид, а не писатель»[14].

Но и всякая потеря воспринималась болезненно, вот пишет он «по левой» из Цюриха в Москву Е.Ц. Чуковской, помогавшей отправлять архив: «Единственно, что открылось как утерянное, это: чёрный 13×18 конвертик с надписью "Часть III — Март Семнадцатый", набитый моими листиками с выписками по дням из петербургских газет о Февральской революции. Он отбился от общего (благополучного) стада. <...> Если можете что-нибудь выяснить — пособите, пожалуйста! Единственный пропавший — и жаль работы, и как раз сейчас подходит время это писать. (А что́ было бы, если бы всё пропало? Страшно и думать, душевное калечество!)»[15]

За границей — открылись новые богатые возможности для сбора материалов: Солженицын работает в архивах Гуверовского института, Йельского и Колумбийского университетов, а живя в Вермонте, может по межуниверситетскому абонементу заказывать книги отовсюду. Вдобавок к конвертам появляются картонные папочки нужных размеров, он радуется: ведь «будут у меня — тысячи листиков, без этого — затеряешься; от правильной организации сотен и тысяч бумажек зависит и темп и успех такой обширной работы»[16].

Солженицын обращается к старым эмигрантам с призывом — писать о пережитом. Их воспоминания насыщают Картотеку и живыми эпизодами революционных месяцев — в столице, в армии, в деревне, на железных дорогах, — и самим духом времени.

Бесценный подарок достался А.И. от Гуверовского института: там переписали коллекцию микрофильмов (газеты, журналы, документы, книги о русской революции) на современные носители, а микрофильмы (больше 600) собирались выкинуть, но догадались спросить, не надо ли ему. Так он смог, среди прочего, прочитать сплошь и сделать выписки изо всех петроградских и московских газет 1917 года и из многих провинциальных. «Удивительно

интересна, плотна, плодотворна работа над газетами тех дней, — записывает Солженицын, — просто фейерверками... рождаются идеи сцен, настроений, взаимных связей, перекрестий. Бегаю к разным папкам, пачечкам и записываю замыслы»[17]. «Газеты — тою живостью отличаются от мемуаристов, что: не знают, что́ будет завтра. Связанные с точной датой, газетные строки гвоздят нас нестираемыми подробностями событий»[18]. В 1984–85 годах А.И. проводил у фильмоскопа недели и недели напролёт.

В многолетнем взаимодействии выработались у автора отношения с его Картотекой как с сотрудницей: она то подсказывала ему новые формы подачи материала, то вторгалась в само писание, меняла его темп и ритм. Так, на «Октябре Шестнадцатого» обнаружилось, что между 1-й и 2-й редакциями необходим новый вид работы, Солженицын назвал его «утолочкой»: «и не перечитывание, и не переписка, а какая-то перетряска, доклейка, переноска, соображение лучших мест для оставшейся информации»[19]. Солженицын ворчал: «Характер этого нового периода — Утолочки: возишься, возишься целый день с выписками, разносками, перебросками, сличениями — ни минуты перерыву, а к концу дня — будто ничего и не сделано»[20]. Но уже не пренебрегал ею до самого конца работы, говорил, что она помогает вовремя исправить возможные серьёзные ошибки.

Вся эта уникальная Картотека с её содержимым — не просто подсобные заготовки в мастерской писателя, это в некотором смысле — отдельное творение Солженицына. Он говорит: «К 1979 я носил в себе замысел “Красного Колеса” 42 года, а непрерывно работал над ним — уже 10 лет. И все-все эти годы собирал — когда в бумаге, когда лишь в одной памяти — эпизоды, случаи, факты, хронологию, доступные материалы, соображения, оценки, мысли. Думаю: без системной методичности, природной мне по характеру, и без математического воспитания ума — работы этой мне бы не совершить»[21].

Многие годы без устали пополняя и пополняя свою Картотеку, Солженицын не тяготился её объёмом. Он спокойно констатировал, что «объём заготовленного, изученного материала относится к объёму окончательного авторского текста — иногда стократно, а уж двадцатикратно — запросто и сплошь»[22].

Но в какой-то момент почувствовал, что, например, дальнейшее поступление того или иного вида материала грозит перенасыщением и развалом конструкции. «Великое умение не в том, чтобы изучать все возможные материалы, — записывает он, — но в каждом таком изучении чувствовать, где остановиться по глубине: где будет уже не пища для фантазии, а отяжеление»[23].

Однако и невозможно: сначала собрать, изучить, разнести по конвертам все материалы — а потом подряд писать Узлы. Эти виды работ перемежаются, каждая настойчиво требует своего места и срока. «Но, — замечает автор, — бывает и такое счастливое состояние полной включённости в суть, в синте-

тический охват всей темы, что нужные эпизоды, факты, выписки — как горящими буквами написанные в мозгу — сами врезаются в место, не требуя перебора, поисков»[24].

К концу апреля 1917 года уже полностью ясен развал феврализма, и автор решает завершить «Красное Колесо» Четвёртым Узлом, «Апрелем Семнадцатого». Но записывает: «<...> когда смотрю на оставшиеся картотеки ещё 16 узлов, на все уже собранные материалы — то ощущение, что жизненной задачи я не выполнил. Тоска берёт, что этого всего я уже не напишу. Как бы хотелось!»[25] Тогда и рождается идея Конспективного тома — сводки оставшихся Узлов. «Это, оказывается, будет долгая работа, надо перечитать многие заготовки. <...> Зато и ощущение достройки здания, не вовсе пропадут чаянья стольких лет»[26].

А вслед за «Конспектом ненаписанных Узлов» Картотека «Красного Колеса» дала немало материалов и для «Двести лет вместе», и для — по крайней мере, трёх — Двучастных рассказов.

* * *

Если подводить итоги арифметические, то неизменными, по числу Узлов, остались картотеки замыслов — ЧЁРНАЯ, ГОЛУБАЯ, ЗЕЛЁНАЯ, но бурно разрослась тематическая ПЁСТРАЯ картотека, и добавилось много «именных» конвертов, составляющих картотеку персонажей исторических (ЧЁРНАЯ малая) и вымышленных (СЕРАЯ).

Общее число сохранившихся конвертов и папок — 295 (не исключаю, что при тщательном просмотре всего Архива обнаружатся ещё конверты, уже пустые, отправленные автором, вместе с использованным содержимым, в «Сбросы»). В конвертах число листов, исписанных по большей части с двух сторон, колеблется от полутора десятков до полутора сотен.

Если же обратиться к итогам качественным, то нельзя не вспомнить слова Солженицына: «Историческая эпопея — это не развлечение пера, она только и имеет вес при сквозной достоверности»[27]. Нет сомнения, что Картотека, которую он неустанно и вдохновенно наполнял десятилетиями, верно послужила сквозной достоверности «Красного Колеса».

Примечания

[1] Архив А.И. Солженицына находится в его доме в Троице-Лыкове. Отдельные его части (относящиеся по преимуществу к 60-м годам) хранятся в РГАЛИ и в архиве ИРЛИ РАН (Пушкинском Доме).

[2] *Солженицын А.И.* Телеинтервью на литературные темы с Н.А. Струве (март 1976) // *Солженицын А.И.* Публицистика: В 3 т. Ярославль: Верхне-Волжское кн. изд-во, 1996. Т. 2. С. 418.

[3] *Солженицын А.И.* Радиоинтервью о «Красном Колесе» для «Голоса Америки» (31 мая 1984) // *Солженицын А.И.* Публицистика: В 3 т. Ярославль: Верхняя Волга, 1997. Т. 3. С. 254.

[4] *Солженицын А.И.* [Рукопись. Середина 1980-х гг.] // Архив А.И. Солженицына.

[5] Условное название, данное А.И. Солженицыным земледельцам — обитателям Юга России и главам об «экономии» его деда Захара.

[6] *Солженицын А.И.* Дневник Р-17. Запись от 12 августа 1967. Рукопись // Архив А.И. Солженицына.

[7] Там же. Запись от 30 августа 1967.

[8] Там же. Запись от 28 марта 1969.

[9] Там же. Запись от 11 апреля 1970.

[10] *Солженицын А.И.* Угодило зёрнышко промеж двух жерновов: Очерки изгнания. Часть вторая (1979–1982) // Новый мир. 2000. № 9. С. 156.

[11] *Солженицын А.И.* Дневник Р-17. Запись от 3 ноября 1971. Рукопись // Архив А.И. Солженицына.

[12] *Солженицын А.И.* Бодался телёнок с дубом: Очерки литературной жизни. М.: Согласие, 1996. С. 400.

[13] *Солженицын А.И.* Угодило зёрнышко промеж двух жерновов: Очерки изгнания. Часть первая (1974–1978) // Новый мир. 1998. № 9. С. 78.

[14] *Солженицын А.И.* Бодался телёнок с дубом. С. 400.

[15] Письмо А.И. Солженицына Е.Ц. Чуковской от 2 апреля 1975 // Архив Е.Ц. Чуковской.

[16] *Солженицын А.И.* Угодило зёрнышко... Часть первая // Указ. изд. С. 77.

[17] *Солженицын А.И.* Дневник Р-17. Запись от 6 февраля 1984. Рукопись // Архив А.И. Солженицына.

[18] *Солженицын А.И.* Угодило зёрнышко... Часть вторая // Указ. изд. С. 156.

[19] *Солженицын А.И.* Дневник Р-17. Запись от 26 августа 1972. Рукопись // Архив А.И. Солженицына.

[20] Там же. Запись от 29 сентября 1972.

[21] *Солженицын А.И.* Угодило зёрнышко... Часть вторая // Указ. изд. С. 153.

[22] Там же.

[23] *Солженицын А.И.* Дневник Р-17. Запись от 26 ноября 1976. Рукопись // Архив А.И. Солженицына.

[24] *Солженицын А.И.* Угодило зёрнышко... Часть вторая // Указ. изд. С. 154.

[25] *Солженицын А.И.* Дневник Р-17. Запись от 1 января 1988. Рукопись // Архив А.И. Солженицына.

[26] Там же. Запись от 14 февраля 1989.

[27] *Солженицын А.И.* Угодило зёрнышко промеж двух жерновов: Очерки изгнания. Часть третья (1982–1987) // Новый мир. 2000. № 12. С. 146.